

ПОРТ В ТРАВЕ

Над Таганрогом темнеет ночь, дует «сгонный» ветер, и на широких молах шелестят степные травы.

Степь придвинулась вплотную к порту и к морю, занесла белой пылью Рыбацкую слободку. На молах стоит по колено колючий бурьян. Чугунные причалы рыжеют от едкой ржавчины, и только маяк говорит, что порт еще жив, что кто-то зажигает огни для редких пароходов, приходящих ночью, тускло освещенных и пустых.

В смоляной тьме белеет корабельная контора, шумят акации, и человек в белом - единственный человек, которого я встретил в этот час в порту, - стоит у флагштока и что-то кричит в ночь, в морской плеск, в звездную темноту. Он поет. Слов я не могу разобрать.

Утро встает в зеленом рассоле моря, в степной тишине и теплоте. Прошел короткий ливень, и на улицах запахло маттиолой, горькой сладостью каких-то не наших цветов.

Вспомнились рассказы старых таганрожцев, переживших Чехова, о том, как весь Таганрог был засыпан тучным зерном и деньгами, заселен греческими и итальянскими «негоциантами». Они слушали по вечерам итальянскую оперу, а днем перебирали янтарные четки в сухих амбарах, откуда меднолицые таганрогские «дрогали» вывозили тугие мешки на шаланды.

На улицах пахло кофе, корицей, заморскими запахами. На мутном рейде за Беглицким маяком иностранные пароходы сосали в свои удушливые трюмы золотое зерно. Весь порт звенел от окованных пудовых колес, дымил черными трубами, спугивал стаи голубей.

Потом прогремели новые порты - Одесса, Мариуполь, Новороссийск. Хлеб, что везли к Таганрогу на синеглазых, сивых волах, пошел в сторону. Золотая река уже лилась в корабельные трюмы мимо Таганрога. И порт умер.

Теперь он напоминает музей, памятник былого, и невольно кажется, что ведает им не начальник торгового порта, а комиссия по охране памятников искусства и старины.

Закрылись ярко-желтые, голубые, зеленые и красные кофейни с важными седыми хозяевами за прилавком. Порт захватила степь, и только в рыбацкой гавани в полдень оживленно: уходят на лов рыбаки. Черные с оранжевой полосой смоляные паруса вздуваются медленно и торжественно, кренятся байды, и за молом их встречает вечный плеск азовской волны.

Шуршит на молах густая трава, дрожат под ветром полевые цветы - не то одуванчики, не то болиголов, - их орошают морские брызги, и порт и окрестные берега веют музейной и тонкой тишиной.